

Вдовин А.И.¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ: МИФЫ И РЕАЛИИ (часть 1)

Один из мифов, усердно создаваемых в недавнем прошлом советскими историками, изображал национальную политику СССР с 1917 года и почти до конца 80-х годов прошлого столетия как планомерную реализацию и постоянное торжество «ленинской национальной политики» с ее исключительно благородными принципами интернационализма, свободы национального самоопределения, равенства, братской солидарности и постоянной взаимопомощи народов СССР. Литература о национальной политике зачастую изображала дело таким образом, что отступления от генеральной линии партии в политике случались, но они были несущественны и, по мере выявления, быстро исправлялись. Действительность была куда сложнее таких представлений. Миф не позволял видеть реальную эволюцию национальной политики, направляемую не только высокими принципами, но и «низкими» прагматическими соображениями. Мифотворчество явно сглаживало жизненные противоречия, характерные для жестокого военного времени.

Трансформация представлений о значимости национального фактора и роли русского государствообразующего народа в отечественной истории после 1917 г. во многом определялась отказом от попыток непосредственной реализации идеи мировой революции. Курс на строительство социализма в одной стране (впервые эта цель была сформулирована И.В. Сталиным 17 декабря 1924 г.²) с «железной» необходимостью вынуждал партию к отступлению на позиции национального большевизма и государственного патриотизма (национализма). Этот курс не означал отказ от ленинской идеи мировой революции. Сохранялась возможность ее осуществления путем всемерного расширения идейно-теоретического и политического воздействия СССР на другие страны и народы через расширение территориальных пределов «отечества мирового пролетариата». Однако Сталин и другие идеологи партии не решились открыто признать, что национально-государственный социализм является единственной разумной альтернативой повсеместному инициированию революции. Они были вынуждены считаться с опасностью потери лидерства в партии, глубоко почитавшей Ленина.

Отсутствие реальной альтернативы курсу на строительство социализма в одной стране создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической

идеи. Благодаря этому национальная политика в СССР стала выражаться в уступках «истинного интернационализма», обрекавшего нации на исчезновение, национальному патриотизму, предполагающему их сохранение и развитие³.

С конца 30-х годов политика явно определялась стремлением сгладить диспропорции в представленности советских национальностей в руководстве наиболее ответственных ведомств. Вопреки установке на преодоление фактического неравенства национальностей в государственном, культурном и экономическом отношении

и значительному продвижению общества по этому пути, годы советской власти были также временем возникновения нового неравенства, не отвечающего тенденции укрепления единства и консолидации народов страны. По показателям образованности, представленности в партийно-государственном аппарате, сферах науки и культуры в 30-е годы с большим отрывом от других лидировала еврейская национальность. С переменной отношения к роли русского народа

в социалистическом строительстве такое фактическое неравенство стало восприниматься как ненормальное положение. Положение усугублялось игрой гитлеровского руководства Германии на противоречиях в СССР для дискредитации якобы «еврейской большевистской власти» в глазах «угнетенных ею» народов.

Власть была вынуждена со всем этим считаться. Летом 1936 г. Сталин позвонил главному редактору газеты «Правда» Л.З. Мехлису и предложил дать русские псевдонимы евреям, работавшим в редакции газеты. В ту же ночь на улице Правды в Москве произошло «крещение» евреев. При назначении В.М. Молотова на пост наркома иностранных дел Сталин сказал ему: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, что сказал! — говорил впоследствии Молотов. — Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно»⁴. Власть демонстрировала готовность устранить «неправильности». Перемещение евреев с их постов в государственном аппарате и общественных организациях в пользу других национальных кадров не могло не восприниматься определенными кругами в СССР и за рубежом как проявление политики государственного антисемитизма. Корректнее, на наш взгляд, считать, что «это была реакция огромной славянской страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 20-х и 30-х годов прошлого столетия, которые игнориро-

Отсутствие реальной альтернативы курсу на строительство социализма в одной стране создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической идеи.

¹ Вдовин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

² Сталин И.В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. — Соч. — М., 1947. — Т. 6. — С. 371–380.

³ См.: Вдовин А.И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. — Сер. 8. — История. — 2002. — № 3.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991. — С. 274.

вали национальный фактор», и рассматривать чистки в 1936–1938 гг. «как один из последних этапов гражданской войны в России» (М. Агурский)¹, заканчивавшихся разгромом проигравших в политических баталиях троцкистов, зиновьевцев, каменевцев, выдвинутцев и сторонников других лидеров оппозиции. В этой войне погибали, конечно, и евреи. Однако их потери, в относительном исчислении, не превышали потерь других народов СССР. В 1937–1938 гг. было арестовано 29 тыс. евреев², что составляло 1,8 процента от общего числа арестованных. В составе всех лагерных заключенных, по данным на начало 1939 г., русские составляли 63 процента, украинцы — 13,8 процента, белорусы — 3,4 процента, евреи — 1,5 процента. В населении страны, по данным переписи 1939 г., эти национальности, соответственно, насчитывали 58,4; 16,5; 3,1 и 1,8 процента³. Это означает, что среди заключенных русские и белорусы были представлены в 1,1 раза больше своего удельного веса в населении страны, украинцы — меньше в 1,2 раза, евреи — меньше в 1,4 раза. При политике государственного антисемитизма эти соотношения были бы, очевидно, иными.

В канун войны появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявило более 45 процентов населения СССР, две трети населения в сельской местности и не менее одной трети населения городов⁴. Это говорило о тщетности усилий по завершению атеизации населения в годы предыдущей «безбожной пятилетки». Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. 11 ноября 1939 г. на заседании Политбюро было принято решение, отменяющее указание Ленина от 1 мая 1919 г. и все соответствующие инструкции, «касающиеся преследования служителей русской православной Церкви и православноверующих». Наркомат внутренних дел получил указание провести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанных с богослужительской деятельностью, «освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не принесла вреда советской власти». Во исполнение этого решения к 22 декабря 1939 г. было освобождено из лагерей около 13 тыс. человек, прекращены уголовные дела еще 11 тыс. человек, пересматривались дела в отношении 50 тыс. православноверующих, продолжавших отбывать наказание⁵.

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство лишь укреплялось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала всю глубину заблуждений и тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. В докладах о состоянии военной пропаганды среди населения, направленных в ЦК ВКП(б) Главным управлением полити-

ческой пропаганды Красной Армии в мае 1940 г. и в январе 1941 г., в ряду «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в «освободительных походах» 1939–1940 гг., отмечались не только культ опыта гражданской войны и отсутствие трезвой оценки сил армии. Признавалось «неправильное освещение» интернациональных задач, интернационализма и патриотизма. Предлагалось осудить «глубоко укоренившийся предрассудок», будто население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии и будет переходить на сторону Красной Армии, а на деле последней останется лишь пройти по стране триумфальным маршем и установить Советскую власть. Интернациональные задачи армии предлагалось трактовать иначе: «Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет защита Советского Союза — отечества мирового пролетариата. Где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов Родины, задачи укрепления силы и могущества Советско-

го Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполнит свои интернациональные обязанности». Что же касается патриотического воспитания красноармейцев, особо подчеркивалось: «Нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и героическом прошлом русского народа»⁶.

В самый канун Великой Отечественной войны Сталин вознамерился было по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил он Г. Димитрову в мае 1941 г. — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»⁷. Отметим, что «правильно понятым национализм» нисколько не противоречит современным представлениям об этом феномене. Однако в мае 1941 г. времени для радикальной перестройки разъяснительной работы в СССР уже не оставалось. Видимо, останавливал и страх перед полной реабилитацией национализма из-за возможного отождествления сталинской политики с гитлеровской.

Поражение СССР на первых этапах войны с Германией было вызваны многими причинами, в том числе изначально ошибочными установками национальной политики, обусловившими пороки в национально-государ-

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство лишь укреплялось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением.

¹ Молодая гвардия. — 1994. — № 4. — С. 166.

² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина власть и антисемитизм. — М., 2001. — С. 132

³ Земсков В.Н. Документы трагического времени // Аргументы и факты. — 1990. — № 35; Козлов В.И. Национальности СССР. — М., 1982. — С. 285.

⁴ Антирелигиозник. — 1937. — № 11. — С. 2

⁵ Карпов В.В. Генералиссимус. — Калининград, 2002. — Кн. 1. — С. 97–99.

⁶ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 198–201; № 5. — С. 191–192.

⁷ Вопросы истории. — 2000. — № 7. — С. 42.

ственным устройстве СССР, отношении к дореволюционной отечественной истории и роли русского народа в межнациональных отношениях. Корректировка национальной политики, начавшаяся в конце 1924 г. и особенно заметная с середины 30-х годов прошлого столетия, не позволила до конца устранить все эти изъяны. Процесс консолидации народов СССР в единый советский народ оказался далеко не законченным. Не способствовали этому и репрессии против троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, которые, как с сожалением отмечали И.В. Сталин и А.А. Жданов, были начаты с опозданием на четыре года¹. К началу войны негативные последствия репрессий не были преодолены. Политика утверждения общенационального советского патриотизма, призванная на смену политике раскалывания общества по классовым основаниям, еще не стала столь действенной, как это изображалось в официальной пропаганде. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

Наиболее серьезные уступки русскому национальному сознанию были сделаны в ходе войны. И связано это было с надеждой на использование в противостоянии с агрессорами мощи национального фактора крупнейшего по численности народа СССР. Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее неизблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь советского общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаруживала своей действительности. Германские пролетарии вопреки ожиданиям и наивным призывам из советских окопов в массе своей вовсе не спешили повернуть оружие против своего эксплуататорского правительства. Как и пролетарии других воюющих капиталистических государств, они никак не вдохновлялись идеей использовать мировую войну для свершения мировой коммунистической революции. Национальная солидарность оказалась силой, спланивающей народ несравненно прочнее, нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, во время московского совещания представителей СССР, США и Великобритании 29 сентября — 1 октября 1941 г. Сталин сказал о своих соотечественниках: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»².

Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее неизблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь советского общества, внутреннюю и внешнюю политику государства.

Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями...

С началом Великой Отечественной войны в СССР были прекращены всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Руководитель «штаба мировой революции» Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящихся поработить и другие народы». В шифровках компартия, секциям Коминтерна, отправленным в тот же день, подчеркивалось: «Учитите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистского порабощения, а не о социалистической революции»³.

Эти же мысли прозвучали и в июльской речи Сталина. В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это — «война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Не забыл Сталин и национальные аспекты войны. Он говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности советских народов, угрозе их онемечения.

В этой связи кажется совсем не случайным прекращение гонений на церковь, одним из признаков которого было обращение Сталина по радио к народу страны 3 июля 1941 г.: «Братья и сестры!», характерное для православных священнослужителей. В тяжелейшие дни начала войны Сталин может быть «интуитивно понимал», а скорее всего из сугубо рационалистических соображений пришел к заключению, что «его правительство и его система не выстоят под ударами германской армии, если только они не будут опираться на поддержку вековых устремлений и духа русского народа»⁴.

К июлю Сталин скорее всего уже прочитал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» Патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия (в миру И.Н. Страгородский). Оно было написано рано утром 22 июня и оглашено в церквях в первый день войны и таким образом уже было известно значительной части верующего населения страны. (С вступлением СССР во Вторую мировую войну доля верующих в стране значительно увеличилась, в том числе и среди грамотной молодежи, чья жизнь ставилась под угрозу едва ли не в первую очередь.) В своем послании высший иерарх церкви писал:

¹ См.: Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. — М., 2002. — С. 153.

² Цит. по: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. — М., 1995. — С. 204.

³ История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документ. очерки. — М., 2002. — С. 192, 194.

⁴ Джилас М. Беседы со Сталиным. — М., 2002. — С. 57.

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верен себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божию помощью и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и за Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимы тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и пред стоящий всенародный подвиг».

Митрополит призвал священнослужителей не оставаться молчаливыми наблюдателями за ходом войны, а ободрять малодушных, утешать огорченных, напоминать о долге колеблющимся¹.

Сталин не мог не обратить внимание на то, что аргументы иерарха в главном совпадали с аргументами руководителей государства, а также на то, что слово председателя Русской православной церкви несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Важнейшее совпадение обнаружилось и в необходимости определения начавшейся войны не как классовой, а как всенародной, отечественной, патриотической. По некоторым сведениям, в июле 1941 г. состоялась краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием, которой оба остались довольны. Как бы то ни было, фактическая нормализация отношений между церковью и государством прослеживается с самого начала войны. В стране прекратились антирелигиозная пропаганда и выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и др. Позднее глава советской миссии в Югославии не сомневался: «Мы бы спасали

Россию даже посредством православия, если бы это стало неизбежно!»²

Вероятно, в соответствии с новым видением соотношения интернациональных и патриотических задач и обязанностей советских людей уже в июле 1941 г. была издана книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», в которой прошлое представлялось наиболее яркими страницами истории с древнейших времен (былинны богатыри) и кончая начавшейся войной с фашистской Германией.

Воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии выразилось, в частности, в возрождении гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в

России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска. Появление этого слова в приказе Ставки ВГК от 18 сентября 1941 г. свидетельствовало о том, что лучшие боевые традиции, основой которых была преданность Родине, перешли из русской армии в советскую. О воскрешении традиций и восстановлении связи с героическим прошлым страны свидетельствовало и сталинское напутствие войск на знаменитом параде 7 ноября. Вслед за митрополитом Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев, — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова³.

10 декабря 1941 г. был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы он не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих». Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка. Английский журналист А. Верт нашел этому идеологическому повороту довольно точную аналогию: в СССР был провозглашен «националистический нэп»⁴. Выбор оказался единственно верным. Идеологический поворот, совершенный руководством страны в начале войны, во многом обусловил коренной поворот в ходе войны и в итоге саму Победу. Как позднее написал И.Л. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде».

(Продолжение следует)

¹ Правда о религии в России. — М., 1942. — С. 15—17.

² Джилас М. Указ. соч. — С. 56.

³ Сталин И.В. Указ. соч. — С. 37.

⁴ Верт А. Россия в войне 1941—1945. — М., 1965. — Вып. 1. — С. 247.